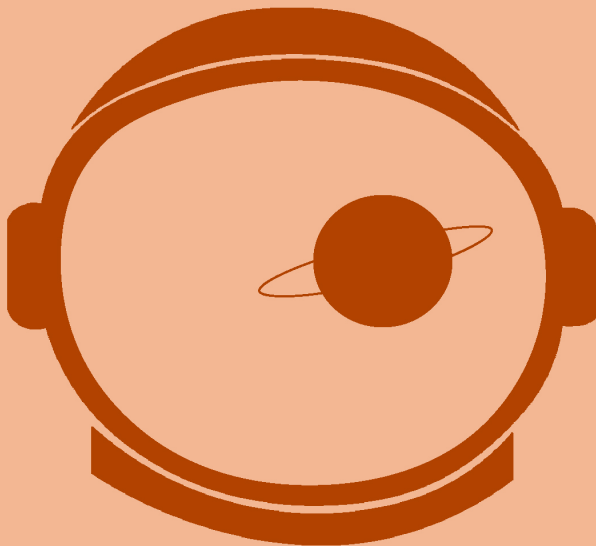

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

МЕНУЭТ
СВЯТОГО ВИТТА

Александр Николаевич Громов

Менуэт Святого Витта

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121481

Змееныш: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21280-4

Аннотация

Экипаж космического грузовика, следующего по маршруту Луна – Меркурий, подбирает в открытом космосе инопланетянина, который оказывается на редкость прожорливым монстром...

Группа земных разведчиков застревает в одном из параллельных миров, когда схлопывается подпространственный тоннель, и теперь перед ними стоит практически невыполнимая задача – выжить и вернуться домой...

Несколько десятков детей, спасшихся с совершившего экстренную посадку звездолета, становятся пленниками загадочной планеты, на которой по неведомым причинам умирают взрослые...

Самые невероятные события происходят в произведениях популярного фантаста Александра Громова, лауреата многочисленных литературных премий.

Содержание

1	4
2	10
3	19
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Громов

Менуэт святого Витта

*Я должен был строить, повинаясь лишь своей
вере, не слушая ничьих советов.
Уильям Голдинг. «Шпиль»*

1

*О, странники! А мы тут, наверху, видели,
как в раздавшиеся швы крыши просачивалась
синяя ночь. Этого крошечного отверстия было
достаточно, чтобы через него могла просочиться
одна-единственная звезда. Процеженная для нас
сквозь все небо. Эта звезда приносила болезнь. Мы
отворачивались: от нее умирали.
Антуан де Сент-Экзюпери. «Южный почтовый»*

Холодно. Господи, как холодно! Боже, помоги мне вынести эту ночь. Если ты есть, сделай так, чтобы я согрелся. Если тебя нет или ты остался далеко, пусть кто-нибудь другой сделает так, чтобы я согрелся. Кто-нибудь, мне все равно. Пусть это сделает Стефан... пусть даст хоть немного тепла, в нижних ярусах еще много тепла, я знаю. Здесь, наверху, холодно. Стефан не знает, как холодно наверху по ночам, когда бьет дождь и низкие тучи бегут с севера. Откуда ему знать?

Проснется, сунет нос проверить, не заснул ли часовой, и тут же обратно, холода и не почувствует. У-у... А как может часовой спать, когда такой холод? Ничего он не может, вообще ничего, пальцы окоченели, и голос сел. Этот холод меня убьет. Вон какой дождь, как только не замерзает в полете? Печку не разожжешь, торф мокрый весь, и навес прохудился, куртка не греет... Совсем не греет. Холодно. Очень холодно. Пусть Стефан даст немного тепла, все ему прощу, пусть только прикажет протянуть снизу какую-нибудь кишку с паром, чтобы хоть руки греть... Нет. Не прикажет. Не даст. Бесплезно упрашивать.

Тщедушная фигурка мотнулась в сторону, уперлась в ограждение на краю площадки. Ноги скользнули по мокрому металлу. Медленно-медленно фигурка двинулась вдоль ограждения, перебирая зазябшими пальцами по тонкой гнутой трубе, приваренной для страховки на уровне пояса. За трубой в мутном свете качающегося фонаря не было видно ничего, кроме черноты и дождя с летящими крупинками снега, не было видно ни земли, притаившейся метрах в ста внизу, ни частокола кольцом вокруг башни, ни кособоких сараев и навесов внутри частокола, ни тем более горизонта, растерзанного бегущими клочьями туч. Вперед, вперед! Не останавливаться. Только так можно вынести эту ночь – идти и идти, идти в никуда, мерить и мерить шагами верхнюю площадку донжона, пока не наступит утро... Скорее бы. Стефана бы сюда, хотя бы на одну ночь... Или хоть кого-нибудь,

ведь предлагали же дежурить ночами вдвоем, греться друг о друга. Стефан запретил. Почему он запретил, когда так холодно? Никто не знает...

– Эй, кто внизу?

Показалось. Никого там нет. Да и кто может быть? И зачем ему быть в черноте в такой холод? Некому, некому приходить, никому мы тут не нужны, говорили же ему... От белых клоунов или бродячей паутины защитит частокол, а если опять придет цалькат, он частокола и не заметит, пройдет как по ровному, но с башней ему не справиться и часового ему не достать, и вот тогда-то придет время посмотреть, подействует на цальката хоть как-нибудь пружинный стреломет или не подействует. На черепах или, скажем, болотных червей он действует, проверяли, а вот гарпию можно сбить только случайно, что стрелометом, что бластером, попробуй в нее еще попади, заразу... Но хорошая, очень хорошая вещь этот стреломет, всегда в смазке и на боевом взводе, сделал-таки Стефан одну полезную вещь. Нужно крутить ворот минут пятнадцать, зато потом только дави на спуск: первая стрела летит на пятьсот шагов, вторая на четыреста девяносто, третья на четыреста семьдесят и так далее, а последняя в магазине, десятая, на триста десять. И точность боя что надо. Конечно, Стефану помогали: и Дэйв помогал, и Ронда, и даже Питер работал с интересом, а потом наделал тупых деревянных стрел и пытался ловить их руками на излете... Ни одной не поймал. Потом Фукуда напиллил насто-

ящих тяжелых стрел из поручня трапа и высверлил каждой хвостовую часть, чтобы не кувыркались и пели в полете, а химик Диего смазал наконечники каким-то зеленым желе и велел без нужды не хватать руками... Хорошая вещь этот стреломет, завалил бы только цальката... Как валит цальката «махер», мы все знаем, хорошо видели. Почему Стефан не дает часовым оружие? Боится?

Конечно, боится.

Шаг. И еще один шаг, и еще. Не греет ходьба. Боже, как холодно... Даже если я не замерзну, завтра вряд ли смогу встать. А завтра неплохо бы быть веселым, завтра день рождения Петры, она хорошая девчонка. Сколько же это ей будет – сорок семь? Да, она на год младше меня, совсем малышка такая пухленькая, а значит, сорок семь. Уже сорок семь или еще сорок семь?.. У-у, глупые какие мысли, это от холода. Точно. Может, попытаться попрыгать или побегать? Свалюсь ведь, поскользнусь и сорвусь, и перила не удержат... Нельзя же так. Несправедливо. Ну, малыши не дежурят, это я понимаю, ну, девчонки дежурят только старшие и только днем, это я тоже понимаю, а почему не дежурит, скажем, Анджей? Он что, маленький? Или девчонка? Нет, у него, видите ли, наблюдения, ему днем бодрствовать надо, ночью спать, а днем он даже торфа не ковырнет... Господи, я же не выдержу... Пальцы на ногах ничего не чувствуют. Погреться бы. Только на минутку, на одну-единственную маленькую минутку зайти внутрь и погреться, вот он люк, никто ведь не

заметит, а потом сразу обратно... Стефан накажет? Так ведь не застрелит же. И не накажет, все спят сейчас, и Стефан спит, а мне только на одну минутку...

Мальчишеская фигурка отклеилась от перил, постояла в нерешительности, дрожа всем телом, попыталась плотнее запахнуться в мокрую куртку и, пригибаясь навстречу дождю, побрела к люку на середине площадки. На верхних ярусах автоматика не действовала, этот люк открывался вручную. У люка мальчик еще раз остановился, борясь с искушением, затем оглянулся, будто кто-то мог его увидеть, подышал, стуча зубами, на окоченевшие пальцы и с натугой откатил крышку по направляющим. Внутри было темно, зато тепло почувствовалось сразу. Мальчик присел над люком, наклонил к черноте осторожное ухо. Тепло притягивало. Теперь мальчик знал, что не уйдет отсюда. Спят? Нет, пожалуй, не спят... Стук дождя по металлу площадки мешал слушать. Что там – сигнал общей тревоги? М-м... Нет, только не сигнал, он звучит совсем не так и вдобавок воем по всему кораблю, а это где-то в одном месте. Нет, не сигнал это общей тревоги, это только что-то очень похожее на сигнал, а вот теперь сигнала нет, зато бубнят два голоса...

Маленький озябший мальчик сидел на краю люка на верхней площадке круглой башни-донжона, почти цепляющейся за бегущие ключья низких туч, и холодный косой дождь все хлестал и хлестал по этой площадке и по тщедушной дрожащей фигурке; дождь шелестел по всей башне, глубоко-

ко вплавленной в грунт широким основанием, по башне, которая с носовой надстройкой, давно снятой и разделанной на металл, не была бы похожа на башню-донжон в центре крепости, а была бы похожа на то, чем являлась в действительности: малым туннельным кораблем «Декарт» звездного класса, земного порта приписки, средней дальности свободного полета, стандартной автономности, на сто восемьдесят пассажиров и шесть членов экипажа...

В каюте кто-то был. Кто-то невидимый осторожно ступал босыми ногами, шарил впотьмах, очень стараясь не шуметь. Стефан Лоренц проснулся так, как просыпался всегда – без переходного состояния с морганием и потягиваниями, без застилающего глаза розового тумана с уплывающими обрывками ночных снов. Тело включилось, и голова была ясной. Он лежал молча, лицом к переборке, его дыхание оставалось ровным, как во сне, но тело против воли было напряжено. Он пошевелился, и тот, за спиной, замер. Тогда Стефан дернул щекой, немного поворочался, подогнул под себя ноги, затем снова замер, заставив себя расслабиться, и стал ждать. Некоторое время того, другого, не было слышно, но Стефан хорошо представлял себе, как у ночного пришельца гулко бухает сердце. Он усмехнулся про себя: дышать и то боится... Удерет? Нет, не удерет, пока не доведет дело до конца, слишком долго они этого ждали, терпенья нет, никуда он не удерет, коли уж они опять решились...

Так. Шарит на полке, где одежда. И кобура, конечно, тоже там, вот она поползла наружу, по звуку ясно. Долго как копается... Ну что, много ты там нашел? Где теперь искать будешь? Надо думать, под подушкой, на большее фантазии не хватит. Так... лежать тихо. Приближается. На цыпочках идет, осторожничает и руки, наверно, в темноте растопырил,

как лунатик. Как он вообще в дверь вошел? Там три ИК-луча. Впрочем, если ползком и если очень постараться, то можно подлезть под нижним, но ведь это же знать надо!.. Значит, знают.

Противно все это, слов нет.

Невидимый наткнулся на койку. Медленно, очень медленно рука поползла под подушку. Интересно, кто это, подумал Стефан. Илья, Дэйв, Диего? Рыжий Людвиг? Или, может быть, Ронда – что-то она вчера по-волчьи смотрела, с таким вызовом, кто-то ее даже одернул. Если бы Питер был здесь, нечего было бы и гадать. Хотя нет, Питер сам не сунется, не его это метод, пришлет кого-нибудь другого, кто поглупей...

Голова вместе с подушкой мягко приподнялась – ночной пришелец запустил руку по локоть. Стефан резко повернулся и попытался схватить эту руку, но рука тотчас отдернулась. Стефан вскочил на ноги. Кто-то рядом издал странный высокий писк, вывернулся, крутнувшись волчком, из рук, отскочил, еще раз увернулся, и сейчас же по полу часто-часто зашлепали босые ноги. Чужой легко ударился в дверь, в распахнувшемся проеме мелькнул невысокий силуэт – на вид лет десять, определил Стефан, – исчез было, метнувшись вбок, но Стефан уже был в дверях, и в каюте уже тянущее гудел сигнал самодельного сторожевого устройства – негромко, чтобы не разбудить спящих, как и положено сторожевому сигналу, предназначенному только для одного человека, для одного-единственного против всех...

В коридоре Стефан настиг бегущего в три прыжка.

– Уве?

Схваченный мальчишка не сопротивлялся, только прикрывал голову руками. Стефан втащил его в каюту, по пути вырубив сигнал, и, осмотревшись, толкнул пойманного подальше от двери. Затем подошел к шкафу, молча достал и натянул на себя комбинезон. Сняв с верха шкафа тяжелый, с массивной рубчатой рукояткой, «махер», покачал его на ладони.

– За этим приходил?

– Бить будешь? – спросил мальчишка. – Ну бей...

– За этим приходил, я спрашиваю?

– Нет, – соврал было мальчишка и, встретив усмешку, вскинул голову. Черт ему был не брат. – Да! Да! За этим! И что?

Стефан молча прошелся из угла в угол. Мальчишка следил за ним волчьими глазами. Так... значит, теперь и Уве? И этот ненавидит. За что? Хорошо бы сейчас и навсегда плюнуть на все на это, пусть Питер делает что хочет, если только вернется, и остальные пусть делают что хотят... Нельзя. Никак нельзя, это-то и есть самое противное. Когда-нибудь они меня непременно подловят, подумал Стефан, дурака я сваял, когда выскочил без оружия, в следующий раз в коридоре наверняка будет засада. Или в следующий раз осмелеют и просто придут с ножом... Давно надо было сменить сигнализацию. Их можно удерживать долго, очень долго, но, ра-

зумеется, не вечно, и чем дальше, тем будет хуже. Когда-нибудь это плохо кончится, может быть, даже раньше, чем я думаю...

– Зачем тебе понадобился «махер»?

Уве вызываяще шмыгнул носом.

– А что, нельзя? Тебе, как всегда, можно, а нам нет?

– Вам нельзя, – сказал Стефан. – А мне можно.

– Вот так, да? – Мальчишка повысил голос. – Думаешь, раз самый старший, так самый умный? Тебе пятьдесят три, а мне пятьдесят ровно – много разницы?

– Существует и другой счет, – сказал Стефан. – По этому счету тебе десять, а мне тринадцать с половиной. Надо еще объяснять? Может, малыша Джекоба предложишь назначить старшим? Ему скоро сорок один, цветущий возраст. Кстати, «много разницы» – так не говорят. Говорят – «большая разница». Не забывай.

– Питер старше тебя на две недели...

Стефан усмехнулся углом рта:

– С Питером половина из вас перемрет через полгода, а вторая половина будет пытаться украсть у него этот самый «махер». Нашли себе кумира. Я лучше других знаю корабль и лучше других понимаю, что нужно делать, чтобы выжить, – так кто должен управлять вами: я или твой Питер? Мне, по крайней мере, на вас не наплевать.

– Надоел ты мне, – с ожесточением сказал Уве. – Привел бить, так бей, чего тянешь?

Стефан прошелся по каюте, толчком ноги пододвинул к Уве стул:

– Садись. – Уве поколебался и сел на краешек.

– Ты мне напомни, я забыл, – медленно сказал Стефан, – когда-нибудь был случай, чтобы я бил кого-то?

– Ну... не бил. Только замахивался – думаешь, легче от того? На торф посылал. Бластером грозил...

– Это не одно и то же. Спрашиваю в последний раз: зачем тебе понадобился «махер»?

– Это не мне! – тонким голосом выкрикнул Уве. – Это на крышу! Дежурному!..

– Врешь, – холодно сказал Стефан. – Не дежурному. Сегодня дежурит Киро, а я вас всех наизусть знаю. Ради Киро ты бы не пошел воровать бластер. Ты бы ради Питера пошел. Он тебя надоумил?

– При чем здесь Питер? – с трудом, будто ворочая комок в горле, проговорил Уве. – Питер же не вернулся еще... Услал человека, теперь на него валишь? Ребята хотели узнать, правда ли последний заряд остался или еще есть. Тут всякое говорили... И Анджею выпало идти.

– Занятно. А он что же?

– А он заявил, что никуда не пойдет. У него, мол, такие правила, и вообще знать ему про «махер» неинтересно. Ребята собирались его побить, может, уже и побили, не знаю. Толку-то – бить его... А потом кинули жребий еще раз, и выпало идти мне.

– Ты и пошел?

– Угу. – Уве неожиданно всхлипнул.

– Ну, проверили бы вы «махер», – сказал Стефан, – а потом?

– Что – потом? – спросил Уве, не смотря в глаза.

– Я спрашиваю: что бы вы потом с ним делали? Надо думать, нашли бы применение?

– Не знаю... Ребята хотели проверить... Мы ничего такого не...

– Людвиг был с вами? – перебил Стефан.

Уве всхлипнул и покачал головой:

– Не скажу.

– Ясно, был. Про Илью с Дэйвом и не спрашиваю. А девчонки? Ронда была?

– Не скажу...

– Значит, была...

Уве вдруг расплакался – тихо и по-детски неудержимо, отвернувшись и часто шмыгая носом, чтобы не было слышно всхлипываний. Все-таки мы дети, подумал Стефан. Даже страшно становится, когда подумаешь, какие же мы еще дети. Мы разучились задавать детские вопросы. Но мы плачем, как дети. Наверно, поэтому мы плачем так редко.

– Ну-ну, – сказал Стефан. – Перестань.

Он подошел, обнял Уве за плечи – тот попытался вырваться. Стефан присел рядом.

– Ну хватит, хватит, – мягко сказал он. – Разве так можно?

Тоже, нашел из-за чего... Перестань, я сказал. Ты думаешь, мне не трудно? Мне, если хочешь знать, труднее всех, а я ведь не хнычу. Ну ладно, малыш, с кем не бывает. Соберись, соберись, парень, разве так можно...

Плечи Уве вздрагивали. А вот этого он мне никогда не простит, вдруг с неожиданной ясностью понял Стефан. Никогда. Лучше бы я его побил. Теперь он притихнет и будет держаться в стороне из страха, что я расскажу всем, как он тут пускал сопли, какое-то время его можно будет даже использовать, но теперь всегда придется помнить о нем и не подставлять зря спину. Он мне враг. Теперь у меня появился еще один враг.

– Иди умойся, – сказал он, отстраняясь. – Завтра тебе на торф идти, дыхания не хватит, и толку от тебя не будет. Спать иди.

– Завтра не моя очередь, – возразил Уве, всхлипнув в последний раз. Потом его голос стал злым: – Вот так, да? На торф меня? За что?!

– Я передвинул очередь. Завтра должна быть Петра, а у нее день рождения. Поэтому будешь ты, Дэйв и Агнета. Это не наказание. Будет укороченный день, а вечером – праздник. Постарайся его не испортить.

Уве стер рукавом слезы. На впалых щеках остались темные полосы.

– Ладно... Что будет к празднику?

– Пирожные. Диего сказал, что постарается. По девяносто

граммов.

– Мало.

– Сам хотел бы больше. Ну, ты иди, иди. Ночью спать надо.

Уве кивнул. Перед дверью он остановился, повернул к Стефану голову через плечо и спросил:

– От Питера ничего не было?

– С какой стати? – сказал Стефан. – Насчет связи – сам знаешь. Или у нас что-то накрылось, или у них. Донна копается.

– Я сам вчера копался, – сказал Уве. – Это не у нас. Это у них. Они еще позавчера должны были вернуться.

– Вернутся.

– Если нет, я тебе не завидую, – негромко проговорил Уве. – Чего там, все равно тебе донесут. Имей в виду, ребята так и говорили: если Питер не вернется, плохо тебе будет, Лоренц. И Маргарет плохо будет. Сами решим, как нам жить.

– Принято к сведению, – холодно сказал Стефан.

Уве еще постоял секунду и вышел, направился было вправо по коридору, но тут же развернулся и быстро-быстро пошел влево. Стефан выскочил следом – направо.

– Так, – сказал он. – И этот здесь. Ты где должен быть? Почему не на посту?

Киро улыбался вымученной глуповатой улыбкой. С него капало. Дрожь еще не прошла, зубы часто-часто колотили

друг друга.

– Почему бросил пост, спрашиваю!

– Я... это... холодно ведь. Дождь там, снег, холодно очень... Я это... слышу – вроде как сирена...

– Хороший слух, – усмехнулся Стефан. – Просто феноменальный слух, всем бы такой. И нюх на уют тоже редкостный. Губа не дура. Ему еще стоять и стоять, а он сбежал. А если, пока ты здесь, придет цалькат – что тогда?

– Не придет он в такую погоду, – возразил Киро. – Сколько лет не приходил... А может, он тут всего один и был, откуда мы знаем...

– Ты уже понял, что надо делать? – спросил Стефан.

Киро кивнул. Он шел обратно к трапу медленно, как лунатик, оставляя за собой мокрые следы. Он ловил каждую секунду отсрочки.

– А ну, стой! – Киро остановился как вкопанный и посмотрел на Стефана с недоверчивой надеждой. Стефан отвел глаза: – Иди переоденься...

3

До рассвета он провозился с сигнализацией. То, что получалось, никак не удовлетворяло. Незаметные волоски-паутинки, обрываемые вошедшим, разлитое по полу машинное масло возле шатких механических конструкций, обрушивающихся с жутким грохотом при малейшем прикосновении, емкостные ловушки, невидимые пучки тех или иных лучей в дверном проеме, акустические датчики, электромагнитные датчики, реагирующие на биение сердца вошедшего, хеморецепторы, соединенные с сигнальной сиреной, – все это, включая вульгарные грабли-самоделки на полу у двери, однажды с блеском сработавшие, уже было придумано, изготовлено, опробовано, принято на вооружение, рано или поздно раскушено и с потерей новизны переставало быть защитой. На каждую выдумку неизбежно находилось противоядие – иногда спустя месяцы, как, например, в случае с детектором биотоков. Чаше – спустя дни. Но контрсредство находилось всегда. Иногда Стефан думал о том, что лучшей защитой была бы толстая стальная дверь с неподъемным амбарным замком. Но это означало бы преподнести подчиненным такой подарок, о котором они едва ли могли мечтать. Это означало без боя признать поражение.

Наконец он остановился на варианте, который показался ему приемлемым, молча закончил работу и вышел из капи-

танской каюты. Спать не хотелось совершенно. Сутки здесь длились тридцать один час, и даже летом почти половину их занимала черная беззвездная ночь. Зимой – чуть больше половины. Планета практически не знала смены времен года, природа в средних широтах навеки застыла в прохладном робком лете, зимой чаще обычного дули северные ветры и шли дожди – вот и все. Пятнадцатичасовая темнота давала время выспаться всем, включая двоих дозорных на крыше, делящих ночь на два дежурства. Вполне достаточно, чтобы весь день быть бодрым и не скулить. Так нет же – скулят... Даже не от холода скулят, размышлял Стефан, не от дождя этого идиотского – от жизни такой. От вынужденной убогости, от четкой размеренности работ, зачастую бессмысленных, но необходимых для того, чтобы не деградировать в колонию простейших, а самое главное – от отсутствия перспективы. От полнейшей никчемности нашей жизни и нашего вечного детства, это-то давно дошло до каждого. И каждый почему-то уверен, что Стефан Лоренц этого не понимает – то ли вообще не способен понять, то ли, что вероятнее, понять не желает. Как же: Лоренц – капитан! Лоренц – диктатор... Стефан напрягся, скаля зубы. Шаги против воли сделались пружинящими. Да! Да!! Диктатор! Шейх! Пахан, черт вас подери! Узурпатор! И так будет! Думайте обо мне что хотите, только я вас самим себе не отдам, так и знайте...

Тяжелая кобура при каждом шаге била его по боку. Так было нужно, хотя до рассвета оставалось еще не меньше часа

и Стефан ясно понимал, что до самой сирены общего подъема мог бы спать спокойно: второй раз за ночь они не сунутся. Наверняка. Времени у них навалом, торопиться некуда. А мы пройдемся... Стефан помнил, что когда-то второй вахтенный при отсутствии на борту нештатных ситуаций был обязан раз в смену совершить обход служебных помещений, больше по традиции, чем по необходимости. Иногда это делал сам Бруно Лоренц, капитан «Декарта», бывая в такие минуты строгим и добродушным одновременно, и его тяжелые шаги внушали спокойную уверенность в благополучном исходе чего бы то ни было, один только раз Стефан помнил отца в ярости... Ладно, назовем эту прогулку обходом... Назовем это преемственностью. Скорее всего, в ближайшие дни они ничего существенного не предпримут, будут все как один фальшиво равнодушны и до некоторой степени исполнительны, но будут в конце концов работать, без энтузиазма принимая поощрения и без особых пререканий снося наказания, особенно старшие. И все как один... нет, не все, а почти все – с едва заметным «почти» – будут ждать... ох, как они будут ждать, когда вернется Питер! Если вернется...

Если не вернется, будет плохо, подумал Стефан. Но если Питер вернется, тоже будет плохо, и даже еще хуже. Было бы идеально, если бы вернулись Вера и Йорис, а Питер где-нибудь сгинул: на порогах, что ли, или на озере – там водяной слон очень даже не прочь перевернуть лодку и позабавиться с гребцами, а озера Питеру никак не избежать... Нехоро-

шо так думать, не надо бы этого. Нет, он вернется, конечно. Всегда возвращался. Десятки дальних экспедиций, сотни небольших вылазок – и ведь все, кроме одной, удачные! Вот в чем штука: неудачных он себе позволить не может. Рискует, очень рискует. Разбил три лодки, доламывает четвертую, а у самого за сорок лет ни одной серьезной раны, ни одного паршивенького перелома! Отчаянная и разумная голова этот Питер, что есть то есть, вот к нему и тянутся аутсайдеры вроде Йориса или Уве. О Ронде Соман и говорить нечего: влюблена в Питера до фетишизма, или как это называется, молится на него, вешает на себя всякую дрянь, которую он ей привозит и дарит: блестящие камешки, ракушки какие-то... прикажи он ей броситься с верхней площадки – ведь бросится, и еще с радостью, что до нее, дурочки, снизошли. Но дурочка она только с Питером, а было бы хорошо, если бы не только... Ладно, она-то не аутсайдер, она – исключение из правила. Будем так считать. А кто тогда Людвиг? Тоже исключение? Да. Исключение. И Дэйв... Что-то много исключений. Обоим чуть-чуть не хватило до лидерства, Людвигу – оптимизма и быстрейшего действия ума, Дэйву – выдержки и возраста. Дикий он какой-то, Дэйв. Опасный звереныш. Хорошо уже то, что он одинаково ненавидит и Питера и меня, вообще всякое начальство он ненавидит, что существующее, что потенциальное, и поэтому к Питеру он не примкнет, не тот случай. Зря его Питер приручал, таскал по экспедициям – как не было между ними ничего общего, так и осталось...

Гнутые корабельные коридоры были пусты и пыльны – «Велеть прибраться», – мельком подумал Стефан. Аварийное освещение давало причудливые тени. Недавно вывешенный рукописный лозунг: «Равные права – равный кусок» был изъеден кислотой и плохо читался. «Выяснить, кто и где раздобыл кислоту», – отметил Стефан. Где-то наверху в нескольких ярусах над головой на продуваемой насквозь верхней площадке стучал зубами замерзший Киро Васев, где-то внизу, куда ушел Уве, копилась привычная ледяная злоба и длинно, неумолчно и безнадежно, как всегда перед восходом солнца, кричала запертая в изоляторе медотсека сумасшедшая Абигайль, а за ближайшим углом кто-то прятался. Стефан не увидел и не услышал его, он не смог бы объяснить, почему он почувствовал человека за поворотом коридора, но, почувствовав, он замедлил шаги. Кто-то невидимый стоял там. Ждал. Он был один, и Стефан с облегчением перевел дух. Рука, начавшая движение к кобуре, опустилась. Перед одним противником – если это противник – нельзя показывать свою слабость, Стефан знал это очень хорошо. Угрозы бластером – всегда слабость. Спасительная слабость, к которой с каждым годом приходится прибегать все чаще и чаще...

За углом была Маргарет.

– Ты чего прячешься? – спросил он.

– Так... – Маргарет пожала плечами. – Несла Абби успокоительное, а то так и будет кричать, ты же знаешь. Слышу

– кто-то идет. Не хотелось встречаться. Я думала, или к тебе идут, или от тебя. Чувствовалось что-то такое... в общем, со мною вчера почти никто не разговаривал. Хотела предупредить.

– У меня уже были, – мрачно сказал Стефан. – Как они догадались про инфракрасную завесу, хотел бы я знать. Может, кто-то надумил?

– Не знаю, – сказала Маргарет. – А кто был?

– Уве.

– Уве?

– Вот именно.

– От него я не ожидала, – заявила Маргарет. – Надо же – теперь и Уве...

– Бывает, – сказал Стефан. – Все, что возможно, то и бывает. На то и жизнь. Иногда даже бывает то, что невозможно, только редко.

– Например? – с интересом спросила Маргарет.

– Например, мы с тобой. И все вокруг. Мальчики и девочки по пятьдесят лет. Эта планета. Это солнце, от которого взрослые умирают, а дети живут очень долго, чтобы со временем стать маленькими старичками, – это возможно? Кто-нибудь о таком слышал? Думал о таком?

– Ну, ты-то еще не старик, – улыбнулась Маргарет. – Да и я не совсем старушка. Погляди, на мне даже морщин почти нет.

– Я не об этом...

– А почему? Мы стареем, это надо принять и успокоиться. Похоже на то, что мы стареем медленнее, чем нормальные люди, но все-таки мы стареем. И когда-нибудь нам придется умереть.

– Ты боишься?

– Я? Пожалуй, да. Немножко. Тут есть такие, для кого это было бы большим облегчением. Но мне бы не хотелось. А они вспоминают Иветт. Помнишь, как она умирала?

– Помню. Она за месяц выросла во взрослую, и у нее был громадный аппетит. Но тогда у нас было лучше с едой. Никто не понимал, что с ней происходит, она и сама не понимала. Ты мне потом сказала, что ее организм просто не выдержал.

– Да. Может быть, теперь я смогла бы ей помочь. Но все равно она умерла бы через две-три недели. Как все взрослые. Будь она постарше, она умерла бы одновременно со всеми. Ей ведь было уже двенадцать – совсем девушка.

– Мне тринадцать с половиной...

– Глупый, – сказала Маргарет. – Девочки же раньше развиваются, ты этого не знал?

– А тебе двенадцать, – сказал Стефан.

– Даже двенадцать и четыре месяца. Мне просто повезло: видишь ли, начало перестройки организма зависит прежде всего от самого организма. Тут уж у кого как. Ронде вот тоже повезло. И тебе.

– И Питеру.

– И Питеру, – согласилась Маргарет. – Кстати, о нем. Ты

не думаешь, что за нами сейчас наблюдают?

Вряд ли сейчас, подумал Стефан. Позже – да. С этим всегда приходится считаться. Но сейчас все они внизу и им не до того: Уве объясняет, почему у него сорвалось с «махером», остальные изошряются в унылом остроумии по его адресу, Дэйв бесится, а неторопливый умный Людвиг, мозговой центр этой шатии, молчит и раскладывает все по полочкам. В следующий раз они выберут иную тактику. Рано или поздно они доберутся до цели.

– Мне бы не хотелось, – сказал он вслух.

– Мне бы тоже, – отозвалась Маргарет. – Между прочим, нас могут не только слышать, но и видеть. Вчера Донна искала в барахолке запасной «глаз» и, кажется, нашла. А она хороший инженер.

– А ты хороший врач, – улыбнулся Стефан. – Правда, я не шучу, ты очень хороший врач. И хороший товарищ.

– Спасибо... – сказала Маргарет. Ей было приятно, и она не пыталась это скрыть.

– Донна не станет им помогать, – сказал Стефан. – Кто угодно, только не Донна.

– Почему? Кажется, она тебя не слишком любит.

– Она и Питера не любит. Точнее, она боится прихода его власти. Ей будет трудно выжить, она слабенькая.

– А Уве?

– Уве – другое дело. В прошлом году Питер брал его к восточным болотам. Но до сегодняшнего случая я считал его

нейтральным. А он, оказывается, ждал момента... – Стефан с усилием сглотнул и облизнул губы. – Понимаешь, Анджей отказался идти, а Уве пошел. Да еще, наверно, с радостью.

– Я тебя предупреждала, – сказала Маргарет. – Давно надо было прикрыть эти экспедиции: Питер всякий раз имеет полную возможность обрабатывать людей поодиночке. Ты заметил, кого он тащит с собой? Сторонников? Как бы не так. Колеблющихся!

– Тебя он тоже звал? – хмуро спросил Стефан.

– Нет, конечно. Я же не колеблюсь, ты знаешь. Колеблются другие, особенно малыши, хотя им-то при власти Питера ничего светить не будет. Но видишь ли, у него есть интересные идеи.

– А у меня?

Маргарет рассмеялась:

– Твои идеи уже реализованы, в том-то вся беда. Получилось надежно, безопасно и скучно, ты уж извини. Да ведь ты, наверно, сам это понимаешь. Надежно и скучно. Плавно... как менуэт. И ты сидишь у всех в печенках, и никто не знает ответа на вопрос, зачем живет и кому нужна такая жизнь...

– Замолчи! – сказал Стефан.

– Вот видишь, ты уже сердишься, – покачала головой Маргарет. – Всегда ты такой. Отталкиваешь от себя людей, а Питер обращает их в свою веру... А ты знаешь, почему я за тебя? Думаешь, потому, что на твоей стороне логика? Ха! Да просто потому, что при Питере никто не задаст себе вопроса,

зачем живет. Каждый будет просто пытаться выжить. И кое у кого это не получится... Я вот о чем подумала: если Питер и в этот раз вернется... В твоём «махере» ещё есть заряды?

– Конечно. Ты сомневалась?

– Я? Нет. А сколько осталось? Один?

– Мне хватит, – сказал Стефан.

– Значит, один... – сказала Маргарет. – Что ж, это уже хорошо. Я боялась, что не осталось ни одного.

– А если осталось десять?

Маргарет фыркнула:

– Все знают, что нет там десяти. Считали много раз. Только счет получился разный. Максимум – два заряда. Минимум – ноль.

– Не ноль, – сказал Стефан. – Уж будь уверена.

Маргарет внимательно посмотрела на него.

– Я пойду. А то Абби кричит.

– Счастливо.

Она нарочно замешкалась, дожидаясь, пока он уйдет. Перед поворотом коридора Стефан, улыбнувшись, махнул ей рукой и исчез, только удаляющиеся шаги гулко бухали по всему кораблю – Маргарет догадывалась, что Стефан пытается подражать походке отца. Что ж, для этого есть основания: он – сын капитана. И он капитан. Капитан корабля, который разучился летать. Который никогда не взлетит. Пока ещё капитан...

Вентиляционная отдушина располагалась недалеко от по-

ла: вентиляция в коридорах корабля всегда была приточная, в каютах — вытяжная, с отдушинами под потолком. Положив на пол лекарство для Абигайль, Маргарет опустилась на колени и просунула пальцы сквозь решетку. Микрофон по-прежнему был на месте, а вот «глаза» не было — то ли его еще не успели установить, то ли он был нужнее в другом месте. Ладно и так... Вряд ли кто-нибудь сейчас слушал, но наверняка любой разговор в коридоре где-то записывается, а значит, рано или поздно обязательно будет прослушан со всем вниманием. Стефан не подвел — умница. Видимо, насторожился, что-то почуял, но не подал виду. Насчет бластера немножко переиграл, но все-таки сказал почти так, как надо. Пусть задумаются. Что ж, сегодня и она, Маргарет, сказала им почти все, что хотела сказать. Сомнительно, чтобы это на них как-то повлияло, даже на колеблющихся, но сказать было нужно, тем более что подслушанный разговор — Маргарет чуть не рассмеялась — во много раз эффективнее надоевшей проповеди...

Она чувствовала удовлетворение.

Ходовая рубка помещалась внизу верхней трети корпуса корабля. После того как корабль лишился носовой части, она стала немножко ближе к небу, но внутри оставалась такой же, как при Бруно Лоренце, – просторным строгим помещением с панорамными экранами по закругленным стенам, с экраном-потолком, с большим сдвижным люком в полу, открывающим доступ к верхнему кожуху корабельного мозга, с шестью креслами и двумя пультами маршевого управления, один из которых был спящим, резервным, а на втором вахтенной смене иной раз приходилось играть в четыре руки, с маленьким пультом туннельного управления, ныне навсегда погасшим. Какая-то часть корабельного мозга еще действовала, кое-где светились индикаторы систем жизнеобеспечения, и мигала надпись, сообщающая о работе синтезатора пищи, но все это было лишь малой каплей, долей процента от доли процента того, что корабль должен был уметь делать и что он когда-то умел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.